

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК
СССР

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

*Ответственный редактор
Ем. Ярославский*

К Н И Г А

1

113

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1943

КУЛЬТУРА РУСИ НА РУБЕЖЕ XIV — XV ВЕКОВ

Д. Лихачев

Если победы русских у стен Константинополя и Корсуни в X в. принесли Руси христианское европейское просвещение, если победа под Полтавой была тем поворотным пунктом, после которого европейская образованность «причалила,—по выражению Пушкина,—к берегам завоёванной Невы», то историческая победа русских над татарами на Куликовом поле в 1380 г. вызвала серьёзный подъём творческих сил русского народа. Это относится как к области науки, так и литературы и живописи. Куликовская победа пробудила работу исторической мысли (летописные своды, исторические повести) и вдохновила творчество такого древнерусского художника, как А. Рублёв.

В настоящее время истории древнего русского искусства, древней русской книжности постепенно отходят от господствовавшего в XIX в. антиисторического взгляда на древнюю русскую культуру и начинают видеть развитие и движение там, где их предшественники усматривали лишь неподвижный ряд однообразных явлений. Одновременно всё больше утверждается мнение, что постоянные и прочные европейские связи создают глубокое сродство культурных явлений, идей и настроений с идеями и настроениями других стран в соответствующую эпоху.

Мощный подъём всей русской культуры, последовавший за Куликовской победой, отличаясь многими резко индивидуальными чертами, в то же время имел и признаки, характерные для культуры Западной Европы того времени.

1

Предвозрождение XIV в., возникнув в Византии, проникнув в Западную Европу через Италию, не осталось без откликов и на Руси. Могучее новое движение охватило не только Западную Европу, но также Псков, Новгород, Москву, Тверь, весь Кавказ и Малую Азию. На всём этом огромном пространстве мы встречаемся с однородными явлениями, вызванными развитием демократической жизни в городах и усилением культурного общения стран. Многие черты этого предвозрожденческого движения сказались на Руси даже с большей силой, чем где бы то ни было.

Расцвет новгородской фресковой живописи XIV в. был во многом обусловлен мировыми связями Новгорода. Наблюдение природы, которое внесли в своё искусство мозаичисты и фрескисты Византии, а вслед за ними Чимабуэ, Джотто и Дуччио в Италии, естественный ландшафт, натуральные человеческие фигуры, элементы перспективы и светотени появление сложных повествовательных сюжетов и попытки изобразить человеческие переживания — всё это живо отразилось в новгородских фресках второй половины XIV в. — в фресках церкви Спаса Преображения, Фёдора Стратилата, Волоотова, Рождества на Кладбище, Михайло-Сковородского монастыря, Ковалёва¹.

Живопись Новгорода XIV в. попрежнему имеет дело с условным пространством, абстрактным, схематизированным архитектурным пейзажем; однако для изображения этого мира новгородские мастера начинают пользоваться некоторыми наблюдениями жизненных движений, поз, поворотов, заставляют свои объекты жить особой сложной внутренней жизнью, стремятся передать психологические переживания и т. д. «Священные» сюжеты трактуются менее торжественно, интимнее, проще, обыденнее. Особенно сильные изменения претерпел в XIV в. тип Богоматери — из величественной «царицы небесной» превратившийся в человеческую фигуру скорбной матери-подростка (Волоотово).

Немалая роль в этом интимном художественном движении Новгорода XIV в. принадлежит замечательному мастеру эпохи Возрождения Феофану Греку. По словам его друга Епифания Премудрого, оставившего нам восторженный панегирик Феофану, им было расписано всего до 40 каменных церквей. Более 30 лет прожил Феофан в России, не только уча, но и участвуя у русских мастеров. Как и многие из приезжавших впоследствии в Россию художников, Феофан не остался одиноким и непонятым художником. Феофан подпал под мощное

¹ См. Айялов Д. «Византийская живопись XIV столетия» (Зап. класс. отд. Русского археологического общества. Т. IX. 1917). Д. Айялов считает, что в новгородских фресках XIV в. непосредственно отразились черты искусства итальянского триенто, минуя Византию.

воздействие русской художественной традиции.

Было бы неправильно приписывать необычайную высоту и живописное совершенство новгородских фресок второй половины XIV в. только приезжим художникам-иноземцам — грекам или сербам. Частично раскрытые в недавнее время (1937) фрески Сквородского монастыря в Новгороде¹ или фрески новгородской церкви Рождества на Кладбище свидетельствуют о явно русском усвоении предвозрожденческих приёмов живописи, о наличии в Новгороде XIV в. широкой творческой жизни (отразившейся в разнообразии манер), о существовании нескольких и притом местных живописных школ. Любопытно, что эти, явно русские по своему происхождению фрески выражают стремление к более отчётливому письму, к многоцветности, к крепкой живописной лепке полнокровных, румяных лиц. Это искусство менее аристократическое, менее утончённое, чем искусство Феофана; оно более реалистическое и здоровое.

И не только в Новгороде, но и в других русских городах во второй половине XIV в. наблюдается тот же подъём искусства живописи. Первым памятником, отразившим предвозрожденческие черты в живописи, являются фрески Снетогорского монастыря во Пскове первой половины XIV века. К сожалению, снетогорские фрески остались до сих пор малознученными. Однако в них явно выступают все те черты, которые характеризуют новую живопись второй половины XIV века².

То немногое, что мы знаем о Москве второй половины XIV в., позволяет говорить об аналогичном подъёме в живописи также и в этом городе. В Москве много работали приезжие мастера-греки³, в частности особенно долго работал здесь тот же Феофан Грек⁴.

¹ В Сквородском монастыре хорошо сохранились большие композиции: «Вознесение», «Воскрешение Лазаря», «Вход в Иерусалим». В особенности великолепна последняя композиция. Повидимому, на Сквородке работало несколько живописцев: один из них, большой мастер, написал все главные фигуры в композициях, придав им несколько удлинённые пропорции; другие более придерживались традиционного новгородского вкуса и писали коренастые фигуры, в несколько иконописной манере.

² М а ц у л е в и ч Л. «Фрагменты стенописи в соборе Снетогорского монастыря». СПб. 1914.

³ В 1343 г. митрополит Феогност в Москве «подписал своего митрополита двора соборную церковь Пречистой богородицы греческими мастерами». В 1344 г. подписывали: «...в монастыри церковь святого Спаса... а мастера старейшины и начальницы быша русиин родом, а гречестии ученицы» и т. д.

⁴ При постройке церкви Рождества Богородицы в 1395 г. с приделом Лазаря в Кремле её расписывали «славные живописцы Феофан грек да Семён черный» (Пол-

В Москве по-настоящему созрела национальная школа живописи, высшим представителем которой на рубеже XIV—XV вв. выступает гениальный русский художник Андрей Рублёв. В 1405 г. А. Рублёв известен уже как вполне зрелый сорокалетний⁵ мастер, расписывающий вместе с Феофаном Греком и старцем Прохором из Городца кремлёвский Благовещенский собор.

Более или менее отчётливое представление о творчестве Рублёва удалось получить лишь после Великой Октябрьской революции: в 1920 г. был обнаружен ряд икон, бесспорно, рублёвских (например три иконы, найденные в церкви «Успение на Городке» в Звенигороде, иконы из иконостаса церкви села Васильевского и др.); кроме того были произведены необходимые реставрации, раскрывшие подлинные краски Рублёва.

Творчество А. Рублёва впитало в себя все великие достижения западноевропейской и византийской предвозрожденческой живописи. В отличие от русской иконописи предшествующей поры произведения Рублёва мягче, лиричнее, психологичнее трактуют темы. Тихое раздумье Павла (икона из села Васильевского, близ Владимира), лирика архангела из Звенигорода свидетельствуют о характерном для творчества Рублёва нарождающемся гуманизме. Ангелы знаменитой рублёвской «Троицы» связаны внутренней беседой. «Владимирская» богоматерь погружена в горестные думы о грядущей судьбе сына. Всё это говорит о новом искусстве, порвавшим с торжественной и холодной монументальностью предшествующего искусства.

Суздальско-владимирские иконы традиционно отличались общим пылким голубовато-серебристым тоном, несколько графическим характером письма⁶. Всё это характерно и для Рублёва в сочетании с общими предвозрожденческими чертами его творчества.

Работы Рублёва не стояли одиноко на рубеже XIV и XV веков. Многочисленные реставрации икон той поры, произведённые после Октябрьской революции, и многочисленные новые находки икон конца XIV—начала XV в. говорят о необычайно высоком уровне русской живописи того времени.

Дальнейшая история русского живописания свидетельствует о постепенном спаде мастерства, начавшемся приблизительно с конца XV века.

Итак, можно с несомненностью установить, что эпоха объединения русского народа вокруг Москвы была одновременно и эпохой высшего расцвета древнерусской живописи.

Слава русских художников той поры находит отражение в русском летописей (ПСРЛ). Т. XXI, 2-й полутом, стр. 408).

⁵ А. Рублёв умер в 1427 или 1430 г., имея от роду около 60—70 лет. Таким образом, Рублёв, надо считать, родился в 60—70-х годах XIV века.

⁶ Г р а б а р ь И. «Рублёв. Вопросы реставрации». Сборник I, стр. 57, 61—62.

столько велика, что их приглашали работать далеко за пределы родины. Особенно много остатков фресок древнерусских мастеров сохранилось в Польше, где в эпоху королей Ягелла и Казимира русские иконописцы работали в Кракове, в Святокрестецком монастыре, на Лысой горе, в Люблине и Гнезне¹. Новгородские фрески частично сохранились в г. Висби, на острове Готланде. Новгородских мастеров приглашали расписывать церкви Ганзейской колонии в Новгороде. Русские мастера ездили работать в Золотую Орду.

II

Обычно считается, что так называемое «второе югославянское влияние», начавшееся на Руси во второй половине XIV в., коснулось лишь русской орфографии, почерка рукописей и стиля древнерусских произведений начала XV в., ставших более многословными, цветистыми, витиеватыми. Даже на основании тех скудных сведений, которые мы имеем о культуре XIV—XV вв., можно заключить, что влияние это значительно шире, разностороннее, глубже и было связано с общим европейским движением предвозрождения.

Но не одни только орфографические и стилистические правила проникают на Русь вместе с югославянскими рукописями, а и самые идеи этих рукописей. Общение книжное увеличивалось непосредственным общением людским. «На Русь» приезжают болгарские, сербские книжники (Григорий Цамбляк, Киприан, Пахомий серб), а сами русские образуют целые колонии на Афоне и в Константинополе, занятые перепиской рукописей, вмешиваются во внутреннюю жизнь и оказывают влияние на культуру югославянских стран. Русский боярин Иван на службе у болгар в правление царя Михаила с 3 тыс. конницы чуть было не овладел Константинополем². Насколько основательным было влияние русских книжников, живших на Афоне и в Константинополе, можно заключить хотя бы по тому, что Константин Костенчский в своём сочинении о правописании называет русский язык «красивейшим и тончайшим» и соотносит с ним свои правила орфографии. Русский язык оказывает существенное влияние на болгарский язык XIV века³.

Из Византии и югославянских стран шло на Русь то увлечение музыкой, которое бы-

ло столь характерно и на Западе для эпохи предвозрождения. С конца XIV в. расширяется на Руси значение музыки в церковном богослужении. Многие, что до того только читалось в церкви, с этой поры начинают петься. В XV в. складывается то «раздельноречие» и хоровое пение, которое становится затем характерной особенностью православного средневекового богослужения. С XV в. получило большое распространение торжественное демественное «красное» пение. Оно было созданием русским, хотя самый термин, означающий его, — греческий. В демественное пение включились задостойники, многолетия, всё «амвонное», т. е. всё, что пелось в торжественные праздники на амвоне, и др. Сюжеты песнопений проникают в живопись (например иконы и росписи на темы акафиста богородицы). Самые жизнеописания святых приближаются по форме и по содержанию к акафистам.

В ту же эпоху в русской книжности проявляются первые признаки индивидуализма. В противоположность безыменности большинства литературных произведений предшествующих веков в конце XIV—начале XV в. впервые появляется иное отношение к авторству. Авторы житий много говорят о себе, пишут обширные предисловия, в которых рассказывают о причинах, побудивших их приняться за перо, раскрывают своё намерение, пишут о своих личных отношениях к святому, что показалось бы в предшествующие века верхом греховного самовосхваления. Изложение проникается субъективизмом и лиризмом. Индивидуалистически настроенные писатели начала XV в. (Епифаний Премудрый, Пахомий серб) относятся с видимым интересом к внутреннему миру своего героя. Впервые, хотя ещё примитивно и схематично, толкуют писатели начала XV в. о психологических переживаниях своих героев, о внутреннем, религиозном развитии святых. Самые картины природы, интерес к которой постепенно растёт, служат образцами для изображения душевного состояния святых. Характерная для эпохи зарождающегося гуманизма любовь к слову отразилась в русских житиях этого периода обилием длинных речей, многочисленностью риторических прикрас, так называемым «плетением словес», ритмической организацией речи, введением ассонансов, внутренних рифм, нарочитым накоплением местоимений, наречий и союзов, иногда для благозвучия начинающихся на одну и ту же букву.

Подобно своим греческим учителям русские монахи стремились к уединению, к аскетическому подвигу среди пустынной природы, уходили в леса, на берега глухих рек и озёр. Идеи уединённого жития, молитвенного самоуглубления проникли на Русь задолго до Нила Сорского — типичного представителя этого направления⁴. До

¹ Каринский Н. «Русская надпись в люблинском тюремном костёле», «Известия Археологической комиссии». Вып. 55-й. Пгр. 1914; Соболевский А., акад. «Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии». Спб. 1910; его же «Русские фрески в старой Польше». М. 1916; Корёга F. «O malarstwie bizantynskiem w Polsce». «Polski Muzeum». Zeszyt VIII. Krakov.

² Иречек К. «История болгар», стр. 984—986. Одесса. 1878.

³ См. Ягич И. «Исследования по русскому языку». Т. I, стр. 396 и др.

⁴ Таким представителем нестяжательности в конце XIV в. был игумен Афанасий, который не знал, что ему делать с селом, подаренным его монастырю князем, хотя такие подарки были вполне обычны со

XIII в. князья не постригались перед смертью. С XIII в. предсмертные постриги князей становятся бытовым явлением. В XI—XII вв. канонизация князей — обычное явление. В XIV же и XV вв. их постепенно вытесняют монахи-аскеты. Князья и воины вовсе исчезают с арены святости¹. Дмитрий Донской — последний крупный святой князь.

Чрезвычайно существенно при этом, что несмотря на развитие на Руси в XIV в. стремления к аскетическому уединению, характерному для самой ранней стадии предвозрождения, русские не восприняли, однако, типичной для Запада экзальтированной аскезы. На Руси не были известны ни целования ран прокажённых, ни появление стигматов на теле святого, ни истерическое самоунижение. Русские монахи и монастыри конца XIV — начала XV в. очень часто подчиняли свою деятельность государственным интересам. Самое продвижение монастырей на север было связано с культурным и хозяйственным переустройством колонизируемой страны. Стефан Пермский создаёт пермскую азбуку и переводит на язык пермяков книги «Горнего града граждан и высшего Иерусалима жителей». Сергей Радонежский постоянно вмешивается в политическую жизнь Руси. Сергей использует свой нравственный авторитет для поддержки московского великого князя. По одному его слову, чтобы оказать давление на нижегородцев, затворяются все церкви в Нижнем Новгороде; он подчиняет политике Москвы Рязанское княжество; он благословляет Дмитрия Донского на борьбу с Ордой за независимость Руси и т. д.

Таким образом, в предвозрожденческом движении на Руси сильной особенностью явились государственные интересы страны. Они смягчали крайности монашеского индивидуализма, они внесли ряд новых и характернейших черт в самую культуру этого периода. В статье об идеологической борьбе Москвы и Новгорода в XIV—XV вв.² я указываю на факт поразительного интереса в конце XIV—начале XV в. к эпохе независимости Руси. Этот повышенный интерес к старому Киеву, к старому Владимиру, к Новгороду домонгольской эпохи отразился в усиленной работе исторической мысли, в составлении многочисленных обширных новых летописных сводов, исторических сочинений, в обострённом внимании к «Повести временных лет» и т. д. Московские великие князья, в частности Дмитрий Донской, озабочены были составлением генеалогий, в которых возводят свой род к «старому Владимиру». Центральная

сторона князей-строителей. Идеи нестяжательности развивал и митрополит Киприан (С о к о л о в П., «Русский архиперей из Византии», стр. 524. СПб. 1913; см. также П а в л о в А. «Исторический очерк секуляризации церковных земель». Т. I, стр. 9).

¹ См. об этом П р и с е л к о в М. «Борьба двух мировоззрений». Сборник «Россия и Запад», стр. 54. 1923.

² См. «Исторический журнал». № 6, стр. 43—56 за 1941 год.

«святыня Суздальско-Владимирской Руси — Владимирская богоматерь — перевозится в Москву. В Твери, во Владимире, в Ростове, в Переяславле Залесском и в других городах, основанных ещё до татаро-монгольского ига, восстанавливаются древние, домонгольские постройки. А. Рублёв совместно с Даниилом Чёрным по приказу Москвы реставрируют старинную роспись Успенского собора во Владимире. В Новгороде усиленно восстанавливаются церкви, «на старой основе» XII в., а в новых новгородских строениях, начала XV в., — архитектурные формы XII века. Возрождается культ новгородских святых XII в.; создаются сказания, окружающие ореолом святости борьбу Новгорода за свою независимость в XII веке. В Твери составляется новая, «арсеньевская» редакция «Киево-печерского патерика».

Со времени написания «Повести временных лет» работа исторической мысли ещё не была так интенсивна, как в этот период. Никогда ещё работе летописцев и историческим концепциям не придавалось такого исключительного значения, значения государственной важности.

Это обращение ко времени национальной независимости во всех областях культурной жизни Руси конца XIV—начала XV в. вызвало к жизни оригинальную историческую теорию, символически противопоставившую начало и конец татаро-монгольского ига.

Читая и перечитывая «Слово о полку Игореве», как перечитывались в конце XIV в. «Повесть временных лет», «Киево-печерский патерик», «Сказания о рязанском разорении», подвергшиеся в это время существенным переделкам, древнерусский книжник усмотрел в событиях «Слова» начало татаро-монгольского ига. В его сознании совпали битва на Каяле-реке (1185) и битва на Калке (1224). Немалую роль в этом совпадении имело самое отождествление половцев и татар, типичное для московских летописных сводов³.

Такой взгляд на «Слово о полку Игореве», как на произведение о начале татаро-монгольского ига, побудил вскоре же после куликовской победы противопоставить ему произведение о конце татаро-монгольского ига. Таким своеобразным «ответом» на «Слово о полку Игореве» явилась «Задонщина».

Автор «Задонщины» имел в виду не бессознательное использование художественных сокровищ величайшего произведения древней русской литературы — «Слова о

³ Ср. например в Симеоновской летописи, где татары названы половцами под 1378 г., а татарская степь — половецкой под 1380 г. и т. д. Очевидно, «Повесть временных лет» не только усиленно переписывалась в конце XIV в., но и усиленно читалась. Энергичные призывы «Повести» к борьбе с половцами воспринимались как призывы к борьбе с татарами, и московский летописец не без умысла заменял в изображении современных ему событий татар половцами, сопоставляя тех и других.

полку Игореве» (как это обычно считается), — а вполне сознательное сопоставление самых событий прошлого и настоящего, событий, изображённых в «Слове о полку Игореве», с событиями современной ему действительности. И те и другие символически противопоставлены в «Задонщине».

Чтобы пояснить читателю эту идею, автор «Задонщины» предпослал ей предисловие, составленное в эпически-былинных тонах. На пиру у воеводы Милкулы Васильевича великий князь Дмитрий Иванович обращается к «братии милой» с предложением пойти на юг, взойти на горы киевские, посмотреть на славный Днепр «и оттоле на восточную страну, жребий Симов», от которого родились татары: «те бо на рече на Каяле (т. е. там, где была битва с половцами в «Слове», а не на Калке, где в действительности были разбиты русские татарами. — Д. Л.) одолеша род Афетов (русских. — Д. Л.), оттоле русская земля сидит невесела, от Калатская (Каяльская) рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрывшася, плачущися, чады своя поминаючи». «Снидемся, братия и друзи и сынове русские, составим слово к слову, возвеселим Русскую землю, возверзем печаль на восточную страну в Симов жребий» (т. е. на татар. — Д. Л.), — приглашает автор в начале своего произведения.

Дальнейшее описание событий битвы на Дону имеет в виду именно это — «возвеселить Русскую землю», «ввергнуть печаль» на страну татар.

В «Слове о полку Игореве» грозные предзнаменования сопровождают поход русских войск: «...волки сулят грозу по обрагам-русском, орлы клёкотом зовут зверей на кости русских, лисицы лают на щиты русских». В «Задонщине» те же зловещие знаменья сопутствуют походу татарского войска: «...грядущая гибель татар заставляет птиц лететь под облака, часто грать воронов, говорить свою речь галок, клекотать орлов, грозно выть волков и брехать лисиц».

В «Слове»: «дети бесови» (половцы) «кликком поля перегородиша»; в «Задонщине»: «русские же сынове широкие поля кликом огородиша»; в «Слове»: «чурна земля под копыты» была посеяна костями русских; в «Задонщине»: «черна земля под копыты костями татарскими была посеяна»; в «Слове»: кости и кровь русских, посеянные на поле битвы, всходят «тугою» «по Русской земли»; в «Задонщине»: «уже бо возстана земля татарска, бедами и тугою покрывшася»; в «Слове»: «тоска» разлилася по Русской земли; в «Задонщине»: «уже по русской земле простреся веселие и буйство»; в «Слове»: «а погании с всех стран прихождаху с победами на землю русскую»; в «Задонщине» же сказано о татарах: «уныша со царей их веселие и похвала на русскую землю ходити»; в «Слове»: «готские красныя девы» звенят русским золотом; в «Задонщине»: русские жёны «вооплескаша татарским златом». «Туга», разошедшаяся в «Слове» после поражения Игоря по всей русской земле, сходит с

неё в «Задонщине» после победы Дмитрия. То, что началось в «Слове», кончилось в «Задонщине». То, что в «Слове» обрушилось на русскую землю, в «Задонщине» обратилось на её врагов.

Итак, начало того исторического периода, с которого русская земля «сидит невесела», автор «Задонщины» относит к битве на Каяле, в которой были разбиты войска Игоря Северского. «Задонщина» повествует, следовательно, о конце этой эпохи «туги и печали», о начале которой повествует «Слово о полку Игореве». Отсюда преднамеренное противопоставление в «Задонщине» конца началу, битвы на Дону битве на Каяле, победы поражению и преднамеренное сопоставление Каялы с Калкой, половцев с татарами. Отсюда внешнее сходство произведений, истекающее из исторических воззрений автора «Задонщины», типичных для своего времени. Обращение к стилю «Слова о полку Игореве» входит, следовательно, в самый замысел «Задонщины» как идеологическое освещение тех событий, начало которых автор «Задонщины» видел в битве на Каяле — Калке, — а конец — в битве на Дону. Таким образом, стилистическая близость «Слова о полку Игореве» и «Задонщины» не является результатом творческого бессилия автора «Задонщины» — это вполне сознательный приём: на фоне стилистического единства «Слова» и «Задонщины» ярче и острее должно было казаться самое противопоставление двух событий прошлого и настоящего.

Куликовская битва рассматривается, следовательно, в «Задонщине» как реванш за поражение, понесённое войсками Игоря Северского на р. Каяле, сознательно отождествляемой автором «Задонщины» с р. Калкой, поражение русских на которой, в 1224 г. явилось первым этапом завоевания Руси татарами.

III

Эта идея реванша, как и самая идея обращения ко временам национальной независимости, сказавшаяся и в письменности, и в архитектуре, и в живописи, и в политике, имела глубоко народный характер. В этом убеждает русский былевой эпос, где эти же идеи сказались в полной мере.

Есть все основания полагать, что сложение русского былевого эпоса в единый киевский цикл произошло не позднее середины XV века. Хотя основные сюжеты былинных песен о князе Владимире относятся ещё к домонгольским временам (например сюжеты, связанные с Добрыней, исторически засвидетельствованные «Повестью временных лет»), однако присоединение к ним сказаний рязанских, тверских, муромских и ростовских не могло совершиться до объединения этих областей в единое государство. В то же время создание этого цикла явно не могло произойти и после присоединения Новгорода к Москве, так как новгородские былины составили особый цикл, вернее они не вошли ни в какой цикл: новгородские былины остались без того объединяющего дна, которое получи-

ли былины киевские, ростовские, рязанские, сгруппировавшиеся вокруг «старого Владимира». Следовательно, образование киевского цикла не могло произойти и позднее 1479 г. — года воссоединения Новгорода и Москвы.

Косвенное указание на время расцвета русского былевого эпоса и создания киевского цикла былины даёт московский летописный свод Фотия 1423 г., в который были включены отражения различных былин этого цикла. Сюда была внесена вставка о гибели богатырей в Калкской битве: Александра Поповича, слуги его Торопа, Добрыни Рязанича Златого Пояса и с ним семидесяти великих и храбрых богатырей. Здесь же отразились сюжеты былины о Рогдае Удалом, о Яне Усмошвце, о Демиане Куденевиче и т. д. Здесь нашли своё отражение былины ростовские (под 1216, 1000, 1001, 1004 гг.), переяславские (под 1148 г.), рязанские (под 1132, 1135 гг.) и др.¹

Объединение местных областных сказаний в единый киевский цикл вокруг князя Владимира совершилось в былинах на почве того же культа Киева и его князя Владимира, который заставлял москвичей на рубеже XIV и XV вв. восстанавливать домонгольские здания, реставрировать домонгольскую живопись, подновлять и давать новые редакции произведениям Киевской Руси, возводить генеалогию московских князей к «старому Владимиру» и т. д. Объединение русских былин в единый киевский цикл было, следовательно, вполне аналогич-

но объединению областных летописей в грандиозных московских летописных сводах с киевской «Повестью временных лет». Культ Киева и его князя Владимира был культом национальной независимости и в русской книжности и в фольклоре. Киев и князь Владимир в начале XV в. были символами единства русского народа, символами его независимости. Подобно тому как «Задонщина» была вся проникнута идеей реванша, мести за нанесённые русским поражения, и русские былины, воспевавшие победы русских богатырей над татарами, жили той же идеей мести. Смешение половцев и татар в книжности конца XIV — начала XV в. и в былевом эпосе далеко не случайно: и книжность и фольклор жили в основном единой мыслью в эпоху объединения русских областей и борьбы с татаро-монгольским игом. Это и даёт основание говорить, что тот подъём русской культуры, когда совершилось и политическое и идейное объединение русской земли, был, по существу, общенародным.

★

Явления культурной жизни Руси той поры были во многом синхронны однотипным культурным явлениям Западной Европы, но вместе с тем в этом всеевропейском предвозрождении русский народ нашёл свои глубоконациональные формы и своё специфически русское содержание. Это содержание, с одинаковой силой сказавшееся и в летописи, и в исторических сказаниях, и в живописи, и в архитектуре, и в фольклоре, позволяет с полным правом назвать эпоху, непосредственно следовавшую за Куликовской битвой, эпохой возрождения русской культуры.

¹ См. Шахматов А. «Общерусские летописные своды XIV и XV веков». «Журнал министерства народного просвещения» за 1901 г., № 9, стр. 73—76.